

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕ ЗАДАННОЙ ПУШКИНЫМ ТЕМЫ

И.А.Цепенюк

*(старший преподаватель, Измаильский государственный гуманитарный университет)**Стаття присвячена проблемі інтерпретації повісті О.С. Пушкіна «Станціонний смотритель».**The article deals with the interpretation of the story «Station smotrytel» by A.S. Pushkin.*

Проблема интерпретации классических произведений своей актуальности, очевидно, не утратит никогда. Особое значение она приобрела в постсоветском литературоведении. Желание избавиться от прежних идеологизированных трактовок, которые зачастую не отвечали авторскому замыслу, понятно и научно обоснованно. Но значит ли это, что в стремлении расширить прежние, подчас искусственно суженные границы интерпретации классики, мы вольны вообще разрушить те пределы, которые начертал для читателей и критиков сам художник в своем авторском замысле? Ведь если такое происходит, то исследователь-интерпретатор невольно претендует на роль «соавтора». Понятно, что возможности интерпретации классического литературного произведения чрезвычайно велики. Но ведь все-таки безграничны. И помимо авторского замысла на страже этих границ находятся такие «охранители», как идейное и творческое мировоззрение, личностные психологические черты, особенности исторической эпохи и многие другие факторы, влияющие на творчество автора и литературу его времени.

Вместе с тем стремление зорко и твердо «стоять на страже» давно сложившихся и хорошо известных концепций приводит к тому, что понятие «классическое произведение» часто приобретает устойчивое значение «штампа», скучной, высушенной временем догмы. Поэтому нужно приветствовать поиски новых трактовок, особенно в тех случаях, когда их ведут признанные в научном мире, талантливые ученые. Эти работы побуждают перечитать классику «свежим» глазом, стимулируют научную полемику. К числу таких исследований относится, на наш взгляд, доклад «Облик “измаильского ветерана” в творческом сознании А.С.Пушкина» профессора В.А.Кошелева, с которым он выступил на II-ой международной конференции «Славянские чтения» (Измаил, 11 – 14 октября 2010 г.). Само обозначение и выделение этой темы в творчестве Пушкина, ее представление в историческом и литературном контексте чрезвычайно интересны. Со многими положениями, сформулированными и, как нам представляется, убедительно обоснованными автором, можно согласиться. Но есть и такие суждения, которые вызывают необходимость вступить в полемику.

Это относится к той части исследования, в которой автор обращается к повести «Станционный смотритель». Особое внимание здесь обращено на образ Самсона Вырина, на своеобразную пушкинскую «скупость» в его портретной характеристике. В тексте повести взгляд ученого привлекает «маленькая историческая деталь, позволяющая как-то восстановить и биографию героя, и его внешность». Речь идет о том, что, приехав в Петербург в поисках своей любимой Дуни, Самсон Вырин остановился у «своего старого сослуживца» по Измайловскому полку. Основываясь на этой художественной детали, В.Кошелев отвергает сложившееся в советском литературоведении понимание «Станционного смотрителя» как первой в русской литературе повести о «маленьком человеке». Он предлагает рассмотреть это произведение «как повесть о достижении жизненного успеха и «везении»» и представить его «как повесть о человеческом эгоизме». Подразумевается отцовский эгоизм Самсона Вырина, в сознании которого забота о собственной судьбе вытесняет заботу о счастье дочери.

К самой этой новой трактовке повести мы еще вернемся. А сейчас рассмотрим главный и собственно единственный аргумент, на котором она построена – службу Самсона Вырина в Измайловском полку, которая, впрочем, осталась далеко за рамками повествования. По утверждению исследователя, реконструирующего на основании солдатского прошлого пушкинского героя его внешность, он должен был иметь рост «2 аршина 12 вершков (то есть 195-196 сантиметров)». И эта деталь, примененная к внешности Самсона Вырина, заставляет по-иному осмыслить всю проблематику пушкинской повести «...можно ли назвать «маленьким» почти двухметрового пушкинского Самсона? Высокий человек иначе и на окружающий мир смотрит – и не может, и не захочет в нем совершенно «стушеваться». Так что пушкинская повесть – о чем угодно, только не о «маленьком человеке».

А можно ли столь однозначно утверждать, что только рост, шире понимая, внешность человека определяют его мировосприятие, формы общения и поведения, внутренний мир? Мы не будем вторгаться в область медицинской психологии, заметим только: а как быть с Наполеоном? А каким должен был предстать Квзимодо, если бы Гюго следовал такой логике? Вызывает серьезные сомнения сама

реконструированная таким образом внешность Самсона Вырина. При формировании гвардейского Измайловского полка в 1730 году в него действительно набирали особо статных и дюжих рекрутов. Они служили в гренадерской и мушкетерских ротах. Но на протяжении всего 18-го столетия полк участвовал в многочисленных войнах, которые вела Россия. Естественная убыль солдат уже не могла возмещаться исключительно такими отборными молодцами. Тем более, что они требовались и в других гвардейских полках. А в 70-е и 80-е годы 18-го века, когда, видимо, начинал службу пушкинский герой, рослых и сильных рекрутов в первую очередь направляли во флот, что вызывало даже неудовольствие командиров и офицеров гвардии. Убедительное подтверждение того, что измайловский солдат суворовских времен вовсе необязательно должен был быть богатырем в прямом физическом смысле этого слова, хранится в Измайловском музее А.В.Суворова. Это подлинный мундир солдата как раз Измайловского полка – участника штурма крепости Измаил. Его размер, рассчитанный на человека максимум среднего роста и фигуры скорее худощавой, чем «статной», свидетельствует о том, что суворовские солдаты все были богатырями духа, но отнюдь не все – тела.

В Измайловском полку в разные периоды его истории служили от 200 до 300 нестроевых солдат: музыканты, санитары, ремонтники, плотники, профосы, денщики, писари и пр. К ним даже при формировании полка не применялись стандарты роста и силы. И если среди массы строевых солдат, знающих грамоту, были единицы, то в рядах нестроевых было таких значительно больше. Вырин, видимо, служил писарем, а эта должность предполагала не богатырские параметры роста и силы, а умение читать и писать. «Тут он принялся переписывать мою подорожную...» замечает Иван Петрович Белкин (1, 88). Известно, что станционные смотрители не просто переписывали подорожные всех проезжающих, они обязаны были вести особый журнал станции, готовить всевозможные отчетные документы с элементами бухгалтерского учета и т.п. Далеко не каждый отставной солдат, просто знающий грамоту, мог проделывать эту работу. А полковой писарь ведению подобной документации был обучен, что должно было помочь пройти специальные процедуры для получения чина и должности. Такое предположение кажется нам вполне уместным уже по той лишь причине, что сам Пушкин поперек листа, на котором были написаны последние строчки «Гробовщика», сделал запись о плане «Станционного смотрителя», в которой трижды назвал будущего главного персонажа писарем (1, 544). Но подобные рассуждения, которыми и мы увлеклись, свидетельствуют о погружении в наши читательские и исследовательские фантазии. Единственная художественная деталь – служба Вырина в Измайловском полку – не дает оснований, на наш взгляд, отказываться от концепции «маленького человека» и создавать принципиально другую трактовку повести.

Предлагаемая в докладе В.Кошелева интерпретация «Станционного смотрителя», очевидно, восходит еще к оценкам, данным повести М.О.Гершензоном, Н.В.Гиппиусом и известным в пушкинистике с конца 10-х годов минувшего столетия. Так, Гершензон, рассматривая повесть как пародию на притчу о блудном сыне, пришел к следующим выводам: «Смотритель погиб не от существенной напасти, а от ходячей морали», а «Дуня, бежав с Минским, вышла на путь своего счастья... она счастлива и богата» (2, 122-127). При этом Гершензон зашел в своей трактовке так далеко, что обвенчал Минского и Дуню, став таким образом «соавтором» Пушкина, чему тот вряд ли был бы рад. По-своему вторил ему В.Гиппиус: «Эгоистичны Минский и Дуня, эгоистичен со своей стороны и Вырин», «Вырин умирает не непосредственно от горя, а от его последствий, от пьянства», «Сострадание – исходный, но не окончательный и не решающий элемент отношения автора к Вырину» (3, 33-34).

Такая трактовка пушкинской повести вызвала, как нам представляется, убедительную критику со стороны Г.Г.Укасовой, В.Е.Хализева, С.В.Шешуновой (4). Не считает возможным пересматривать в таком направлении проблематику «Станционного смотрителя» А.А.Слюсарь, посвятивший одну из своих работ жанрово-типологическому сопоставлению прозы Пушкина и Гоголя (5). А.Ахматова воспринимала Самсона Вырина трогательным и величественным в своем горе (6, 171). Представляется, что эти исследователи глубже прочувствовали пушкинский замысел. В этом убеждает обращение к тексту повести. Перечитаем его еще раз.

Как выражает автор свое отношение к Самсону Вырину? При первом знакомстве «свежий и бодрый» хозяин вызывает у Ивана Петровича Белкина симпатию. Понравилось ему и убранство «смирненной, но опрятной обители». Потому он и пишет: «Все это донныне сохранилось в моей памяти... Вижу, как теперь, самого хозяина...» (1, 88-89). В этой части повествования главное внимание рассказчика приковано к Дуне, и более всего запомнился ему поцелуй в сених станции. Но, повествуя о приключившей с ее отцом бедой, рассказчик называет его последовательно «бедный смотритель», «бедный отец», «Бедняк» и наконец – «Бедный смотритель!». А слезы, которые прерывали рассказ старика, хотя «отчасти возбуждаемы были пуншем, ... сильно тронули мое сердце» (1, 96). Если бы Пушкин писал свою повесть об отцовском эгоизме, стал бы так он проявлять свое отношение к ее герою? А в экспозиции повести находим еще и такое суждение автора: «...есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В

самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас...» (1, 87). Из развития действия повести становится понятно, что сблизило автора с его героем именно сопереживание, сочувствие горю обманутого отца. Вернемся вновь к экспозиции «Станционного зрителя». Пушкин представляет это «оклеветанное» сословие «людьми мирными, от природы услужливыми, склонными к общежитию, скромными в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивыми». Беседу с ними автор предпочитает «речам какого-нибудь чиновника 6-го класса», потому что «из их разговоров... можно почерпнуть много любопытного и поучительного» (1, 87). Это ли не сочувствие «маленькому человеку», помещенному судьбой и социальным устройством общества на такое место, где нет прав и нравственной общественной охраны человеческого достоинства, а есть одни хлопотные обязанности и возможность каждому проезжающему безнаказанно и по какому-то неписаному, но всем обществом соблюдаемому закону оскорблять и унижать бесправного человека.

Но тема «маленького человека» звучит не только в главной сюжетной коллизии. Ее отголоски слышны и в повествовательных деталях. Заболевшего зрителя лечит тот же лекарь, которого вызывал Вырин к Минскому. Он рассказал, что знал о мнимой болезни гусара, «но молчал, опасаясь его нагайки». А как было и этому «маленькому человеку», знавшему свое место в самом низу социальной пирамиды, не опасаться мести человека, стоявшего на ее верхних ступенях.

Если рассматривать «Станционного зрителя» «как повесть о достижении жизненного успеха и о “везении”» (так предполагает В.Кошелев), то выходит, что Пушкин считал жизненным успехом, достигнутым Дуней, место содержанки богатого столичного повесы. Атрибутами этого успеха становятся «карета в шесть лошадей... кормилица... и черная моська». А путь к его достижению – обман отца, его одиночество и преждевременная смерть. Можно ли признать, что Пушкин так представлял себе «жизненный успех»? Вопрос скорее риторический. И не совсем понятно, из чего следует допущение, сделанное автором доклада, о том, что «ее муж дослужился, как минимум, до полковничьего чина». Лихой гусар Минский вполне мог дослужиться до полковника, но где в повести автор пишет о замужестве Дуни? Ведь когда рассказчик спрашивает старика отца о замужестве дочери, тот притворяется, что не слышит вопроса. А та огромная социальная пропасть, которая пролегла бы между Минским и Дуней, в случае его женитьбы на ней, по законам тогдашней армейской службы подорвала бы навсегда его карьеру. Он не только не дослужился бы до «полковничьего чина», как предполагает В.Кошелев, а скорее всего вынужден был бы вообще уволиться из армии, как того требовали сословные правила офицерского сообщества.

В тексте повести мы находим и другие аргументы, не позволяющие принять подобные ее трактовки. К примеру, тот прием, который использовал Минский, чтобы увести Дуню. Неужели Пушкин представляет обман как оправданный способ достижения счастья? Едва ли.

Но зададимся вопросом, а чем собственно говоря плоха трактовка «Станционного зрителя» в традиционном варианте темы «маленького человека»? Очевидно, по мнению В.Кошелева, «видимая» социальная» направленность» этой темы исключает «некую общечеловечески значимую и даже «вневременную» ситуацию». Позволим все же не согласиться с тем, что социальная проблематика противоречит общечеловеческому (гуманистическому) пафосу повести и ограничивает ее вневременное значение. Во-первых, еще не придумано такого общества, в котором социальное положение не оказывало бы влияния на все стороны жизни человека, и литература это всегда понимала. А во-вторых, именно тема «маленького человека» придает произведению подлинно гуманистическое звучание и представляет описанную в ней грустную историю как вечную ситуацию (к сожалению!), вполне типичную как для пушкинской эпохи, так и для наших дней.

Суворовский солдат Самсон Вырин честно отслужил свои 25 лет в Измайловском полку и продолжает исправно служить на своей станции. И в «благодарность» за верную службу государство Российское и общество позволяют проезжему гусарствующему молодцу безнаказанно увести у него дочь и лишит счастья всей жизни. А когда несчастный отец смиренно попросил вернуть ему Дуню, Минский назвал измайловского ветерана «разбойником» и «сильною рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу». И защитник Отечества, выслушав совет приятеля «жаловаться... подумал, махнул рукой и решил отступить» (1, 95). Отступился, может быть потому, что знал пословицу, рожденную в той социальной среде, к которой сам и принадлежал: «С сильным не судись!» Он не стал разбойником, подобно капитану Копейкину. Тот все же офицер, дворянин и сам себя «маленьким человеком» не признает.

А Самсон Вырин «маленьким человеком» родился, в рядах суворовских богатырей завоевал России славу, службой гражданской облегчал людям тяготы пути по российским дорогам, да так «маленьким» бесправным, беззащитным себя ощущает, с тем и закончит свои дни. Сколько их таких было, есть и будет. И кто защитит их, кто пристыдит Минских, «новых русских» и им подобных, кроме как Пушкин и русская литература. Не будем лишать «маленьких людей», без которых «народ неполный», этой защиты.

1. Кошелев В.А. Облик «измаильского ветерана» в творческом сознании А.С.Пушкина //Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – Ізмаїл, 2010. – Вип. 29.
2. Пушкин А.С. Собрание сочинений. – М., 1960. – Т. 5.
3. Гершензон О.М. Мудрость Пушкина. – М., 1919.
4. Гиппиус В.В. Повести Белкина //Литературный критик. – 1937. – №2.
5. Гукасова А.Г. «Повести Белкина» А.С.Пушкина. – М., 1949; Гукасова А.Г. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. – М., 1873; Хализев В.Е., Шешунова С.В. Цикл А.С.Пушкина «Повести Белкина». – М., 1989.
6. Слюсарь А.А. Проза А.С.Пушкина и Н.В.Гоголя. Опыт жанрово-типологического сопоставления. – Киев-Одесса, 1990.
7. Ахматова А.А. О Пушкине: Заметки и статьи. – 2-е изд. – Горький, 1984.